

ИЗВЕСТИЯ

в Украине

28.09.09

Пианист Константин Виленский: «В музыке заложена идея, а не прибыль»

[Алена Прокопова](#)

Новый сезон клубных концертов CLASSIC mix JAZZ в пиано-салоне Bechstein в минувший четверг открыл музыкант с мировым именем. Константин Виленский сейчас живет в Польше, но свое детство и молодость провел в Киеве. Он играет с лучшими симфоническими оркестрами мира, мастерски соединяя классику и джаз. О семье, упадке джаза и необходимости постоянно учиться пианист-виртуоз рассказал корреспонденту «Известий в Украине» Алене Прокоповой.

вопрос: Как получилось, что о «бароне джаза», как вас называет европейская пресса, не знают на родине?

ответ: Так меня называли двадцать лет назад. Потом та же газета назвала меня «принцем джаза». Но я ведь не только джазовый музыкант. Это правда, я действительно увлекался и многие годы занимался исключительно джазом. Сейчас я играю полностью классические концерты, а также собственные сочинения, которые построены на синтезе классики и джаза. Джаз — только одна из граней музыки.

в: Когда вы им увлеклись?

о: После окончания консерватории я поставил себе задачу, что как композитор должен изучить джаз, ведь делать вид, что такого явления не было в двадцатом веке — смешно и глупо. Я следовал примеру таких композиторов, как Арам Хачатурян, Родион Щедрин, Дмитрий Шостакович, которые использовали джазовые элементы в своих произведениях. Многие не знают, что Шостакович написал музыку к фильму, которую исполнил джаз-банд. Он, который никогда джазом не занимался, сделал это блестяще, профессионально. Значит, по-настоящему изучил джаз, проникся им.

в: Как у вас возникла идея соединить классику и джаз?

о: Я ничего не выбирал — так получилось. Я сыграл все то, что предлагала фортепианная музыка, и джаз, кстати, внес значительный вклад в ее развитие. Этот синтез у меня получается естественно. Я не думаю: «Вот тут нужно чуточку джаза, а здесь чистая классика», отнюдь. В одной вариации на Паганини у меня звучит даже джаз-рок.

в: Вы намеренно выбираете музыкальные темы, которые знакомы даже неподготовленному слушателю?

о: Есть несколько главных факторов: музыка должна найти отклик во мне самом и иметь скрытые возможности вариаций. Еще один фактор, к которому я подхожу с особой осторожностью, — могу ли я на основе того или иного материала создать транскрипцию, которая будет не хуже оригинала. На заре моих экспериментов я решил, что буду выглядеть нелепо, если начну из гениальных сочинений делать банальные пьески. Этого я сильно боялся. Для меня важно сохранить прелесть оригинала и добавить оттенок современности. Польский критик Богуслав Качинский однажды сказал, что я обрабатываю классику без насилия над материалом. Я ценю эти слова.

в: Кто из композиторов вам близок по духу?

о: Сергей Рахманинов — мой Бог. Причем, с детства. Думаю, так будет в течение всей жизни.

в: Кстати, о детстве. У вас, наверное, генетическая музыкальность?

о: Я родился в доме, где стоял концертный рояль Steinway, а это большая редкость. К нам приходили композиторы, которые за один вечер могли сыграть полное собрание сочинений Шопена. По детской наивности я воспринимал это так, словно подобное происходит в каждом доме. Отец и мама были хореографами, дед — организатор трех театров и первый их музыкальный руководитель: Государственного театра юного зрителя в 1924 году, Тетра русской драмы и Театра Советской Армии. А еще он был первым директором филармонии, которая раньше называлась Пролетарским домом искусств. Именно там проходили выступления Владимира Горовица, Айседоры Дункан, Владимира Маяковского.

в: Вы сказали, что в доме часто бывали знаменитые люди.

о: Моя бабушка хорошо рисовала и помогала создавать афиши, что по тем временам было очень модно. Как-то Маяковскому не понравилось что-то на собственной афише. А моя бабушка была очень изящная, легенькая и совсем молоденькая. Они начали дискутировать, и Маяковский в какой-то момент подошел, взял ее за талию и усадил... на шкаф. А сам стал поправлять контуры на своей афише.

А однажды дома, на Владимирской, 47, на одной из вечеринок присутствовала Айседора Дункан. На самом деле она не была так уж красива, а бабушку мою сливки киевского общества считали красавицей. В дань уважения гостье окружение стало отвешивать ей комплименты, ухаживать за ней, а моя бабушка приревновала. Отомстила она ей очень по-женски. Как известно, Дункан всегда танцевала босиком, а в этот день как раз плохо себя чувствовала. Она обратилась к бабушке: «Как правильно сказать по-русски «Я немного простужена, поэтому танцевать буду в чулках?» На что бабушка ничтоже сумняшеся ответила: «Скажите: я немножко проститутка». Дункан так и сказала, публика вида не подала, но про себя посмеялись.

в: Кто более открыт к восприятию музыки — дети или взрослые?

о: Очень важно с детства слушать правильную, хорошую музыку. Мне повезло, что я воспитывался в такой атмосфере. Припоминаю, как однажды услышал мелодию, названия которой не знал, и лишь спустя несколько лет я узнал, что это побочная тема второго фортепианного концерта Рахманинова. Если по радио звучало что-то среднего качества, мне не позволяли это слушать. Детский мозг, как губка, впитывает все, поэтому важно с детства воспитывать вкус. Дети получают порцию свежих впечатлений и воспринимают все легче, нежели взрослые. Мне кажется, детям нужно нести высокую музыку.

в: Вы часто проводите мастер-классы в Америке, но преподавать на Украине перестали, когда переехали в Польшу. Есть желание возобновить работу с нашей молодежью?

о: Я бы с удовольствием участвовал здесь в мастер-классах. И это вполне реально, только нужны люди, которые могли бы это организовать. Я не успел дать всего, когда учил молодых здесь в 1980—90-х годах. Тем более, на тот момент у меня не было опыта, который позже мне принесла активная концертная деятельность на Западе. По приезду в Штаты я сначала думал, что там все прирожденные джазмены — и молодежь, и дети. Ничего подобного! Их так же, как и у нас, нужно учить свингу.

в: А сами продолжаете учиться?

о: Мое кредо — постоянно учиться, несмотря на возраст. Я всегда буду стараться работать все лучше и лучше, насколько хватит сил.

в: В какой стране легче, по вашему мнению, сделать карьеру джазового музыканта?

о: Сейчас джаз не актуален, поэтому с этой карьерой тяжело везде. Дело вовсе не в стране, а во времени. Джаз стал достоянием элитарной группы людей, которая стремительно сужается. В 1950—60-х годах он был на уровне популярности, сейчас сравнимой разве что с эстрадой. Если бы я был только джазовым музыкантом, мне было бы очень сложно. Тот же блестящий саксофонист из Польши Збигнев Намысловский бедствует. Джазовых концертов сейчас немного, да и оплачиваются они неподобающе. В музыке заложена идея, а не прибыль. Если подходить к этому занятию с меркантильной точки зрения, ничего поистине стоящего не получится. Исключение составляет современная эстрада, которая собирает большие залы. Правда, я объясняю это тем, что уровень общей культуры снизился. В середине XX века он был гораздо выше. Аналитики говорят, что возрождение придется на середину этого столетия. Но так как наша жизнь ограничена, я рад, что хотя бы застал то время, которое взрастило если не меня, то моих педагогов, которые передали мне свой опыт.

в: Вам есть, о чем жалеть?

о: Жалею, что не попал на концерт Владимира Горовица, с которым даже мог поговорить — он дружил с моим дедом. В 1986 году я сделал ошибку, когда его маршрут гастролей поменяли. В Киеве он не выступил, а в Москву я не поехал. Меня пугали, что там и билетов не будет, и подойти будет невозможно, но наверняка я прорвался бы, напомнил бы о нашем доме, в который Горовиц приезжал заниматься перед большими концертами — у него не было такого инструмента...